«Мальчики, я хочу, чтобы вы меня внимательно выслушали», — сказал Минато, пытаясь держать свои эмоции под контролем. Он безоговорочно доверял четверым мужчинам перед ним. Единственными, кому он доверял так же, как своему взводу стражи и оставшимся ученикам, были его сенсей и Мито. А Цунаде - возможно.

Его сенсей, который был с Расой, и Мито, которую тоже забрали. Какаши поклялся, что видел маркеры фуиндзюцу для дзюцу призыва, когда его драгоценный Мито исчез, и разве это не было ужасно? В ее бывшей камере и вокруг нее было так много крови Мито , ее зубов и… плоти , и большинство вызовов проходило проверку даже при заключении контракта. Он уже проверил лес Сиккоцу, но его дочери не было с Кацуей-самой.

По крайней мере, Цунаде теперь тоже ее искала.

«Сенсей?» — спросил Какаши, возвращая его внимание. Они находились в лесу за пределами того, что, очевидно, было КОРНЕВОЙ базой. Он был удивлен, что Данзо не снял маркер Хираишин с одежды Наруто. На самом деле, Какаши никогда не был уверен, как именно это работает…

— Привет, — сказал Минато, стремясь снова заняться делом. «Я иду с Какаши», — объяснил он своему охраннику. «Я хочу, чтобы вы трое оставались вместе на случай, если ситуация станет опасной. Если вы увидите кого-либо из членов его маленькой армии, я хочу, чтобы вы уничтожили их. Оставьте хотя бы одного для допроса».

«Какаши, как только ты увидишь Наруто, я хочу, чтобы ты схватил его: ты понял?» Когда Какаши принял миссию такой, какая она есть, он продолжил. «Мой приговор Данзо — смерть. Убедитесь, что Наруто этого не видит». Он надеялся оттянуть смерть предателя как можно дольше, пока его сына не будет рядом.

«Хай!»

«Мама!»

Мито закрыла глаза, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце и каким-то образом сохранить равновесие, пока истекает кровью из этого чертового куска, который вынули из ее спины. – И от всего, чего она только что сбежала. Из всех миров призыва, как она оказалась здесь?!

Почти обнаженная и очень напуганная: именно такой она и была. Она отказывалась кричать, пытаясь поднять ноги и скрестить руки на груди. Или, по крайней мере, она старалась молчать.

Детеныш гепарда вскоре вернулся вместе с матерью. Мито мог только лежать на земле и стараться не вздрагивать. — Гепард-сама, — сказала она, не в силах даже вежливо кивнуть, учитывая боль, которую она испытывала, и то, как она дрожала.

«Я чувствую запах крови», — жутко сказал гепард.

Я собираюсь умереть. Мито тяжело сглотнула, хотя и старалась этого не делать. «Да, Гепард-сама. Я… оказался в не… в плохой ситуации. Существо».

«Я не узнаю в тебе призывателя», — сказала она, потягиваясь. «Насколько мне известно, в настоящее время у нас нет призывателя».

Мито показалось, что гепард вот-вот набросится. Она закрыла глаза на несколько секунд и отказалась потерять сознание, хотя либо ее зрение, либо окружающая среда в целом становились темнее. «Я нет. Я использовал технику призыва…»

— И оказался здесь? Ну, разве это не интересно? — спросила мать, облизываясь.

«Я была… партнером этих слизней», — невнятно произнесла она. Когда Мито использовала это дзюцу, она надеялась, что вернется к Кацуе-саме.

«Слизни ужасны», — признался гепард, прежде чем зарычать. — Ты бросил их ?

«Нет», — воскликнула Мито — возможно, слишком горячо, как она поняла, — изо всех сил пытаясь одновременно скрыть свою очень кровавую рану и в то же время держаться подальше от нее. Это было невозможно. «Моя чакра изменилась и…»

«Если это правда, то это тоже интересно», — перебила мать-гепард, низко наклоняясь, принюхиваясь и пристально осматривая место, где они находились, на предмет угроз ее еде, предположил Мито. Кошка издала невероятно громкий визг, от которого Мито заткнула уши. В ушах у нее все еще звенело.

«У нас есть потенциальный призыватель», — промурлыкал гепард…

Лев. Чертов лев, за которым следуют две львицы. Мито невольно всхлипнула. «Лев-сама, Львица-сама», — слабо сказала она, и ее обнюхали большими влажными носами. Она быстро приняла смерть или попыталась это сделать. У нее было много сожалений, но она хотела покинуть этот мир сильной, по крайней мере, духом.

По крайней мере, я скоро буду с Каа-чан. – После того, как я поем. О Боже…

«Она не мочится на себя, и это плюс», — сказал лев, прежде чем плюхнуться на траву. «Такой, какой ты есть, человек, ты не представляешь собой никакого вызова».

Мито поморщилась даже больше, чем раньше. «Меня зовут Мито. Намикадзе Мито. Может, я смогу вернуться, когда выздоровею?»

«Согласен», — сказал он. Остальные кошки повторили то, что он сказал. Все они выглядели скучающими.

«Итак… Что теперь происходит?» Мито глубоко сожалела, что ее голос дрожал. И что она говорила как ребенок из-за отсутствия зубов.

«С какой деревней ты связан, человек?»

«Коноха».

«Отвези ее туда», — приказал лев одному из своих партнеров.

«Нет! Пожалуйста , — поправила себя Мито, говоря более мягко и вежливо (она надеялась). — Я не могу вернуться».

— Ты предатель? — спросил лев, внезапно выглядя более проснувшимся.

Мито выражение его лица напоминало выражение лица некой лисы: той, которую она пыталась узнать много лет. «Я нет, но я в изгнании». Ноющая интуиция напомнила ей, что ее

примут обратно, но она не хотела видеть… кого-либо.

— Тогда нам стоит оставить тебя умирать?

«Я не люблю есть людей», — сказал чиби-гепард.

«Детёныш, ты не знаешь, какой у человека вкус. И хотя я уже много лет не ел их мяса, я помню, что оно мне не особенно нравилось». Затем лев начал облизывать себя, полностью игнорируя раненого человека рядом с ним.

Одна из львиц закатила глаза — если Мито действительно это видела. Возможно, у нее были галлюцинации.

— Куда же тогда? — спросила львица.

Мито была так расстроена и испытывала такую сильную боль, что не была уверена, что ей важно, куда ее заберут. Но она была наполовину Узумаки, и многие страны хотели иметь ее родословную. «Трава? Рисовые поля: самая южная сторона? Там есть небольшое поселение, которое должно выглядеть как пещера…»

— Очень хорошо, — сказала львица. «Ты нашел ее: ты ответственен за нее».

Мито могла сказать, что гепард разозлился и пока они спорили, она начала терять сознание. Она почувствовала, как огромная лапа перевернула ее, а кошки зашипели, жалуясь на ее рану. Одна из них начала лизать его очень грубым языком, и она вскрикнула. Другая кошка вцепилась сзади в то, что осталось от ее топа и волосы.

Минато перевел взгляд на второй маркер Хирайшина: тот, который он поставил на Наруто. Не тот, что на его одежде.

Он нашел своего сына, размахивающего танто! «Папа! Кашибака! Смотри…»

— Данзо, — прошипел Минато, испытывая отвращение к тому, что он только что нашел. Какаши уже держал Наруто на руках и был готов позагорать, но вся территория была заполнена детьми. Дети играют – нет, тренируются с клинками – некоторые даже младше его сына!

Данзо поднял руку, удивлённый тем, что Йондайме нашел его так быстро (и здесь, к сожалению), но, тем не менее, был готов. — Йондайме-сама, уделите минутку, пожалуйста.

— Убери его отсюда, Какаши. Наруто жаловался на свой приказ, но, к счастью, с ним все было в порядке. Минато не спускал глаз со своего врага, но заметил, что Данзо переодел Наруто.

Маркер Хирайшина на теле является постоянным, Предатель . Это была маленькая семейная тайна, которую Минато унесет в могилу.

Наруто был под его волосами. Теперь ему хотелось приложить Мито позже к тому же месту… Когда он надел ее ей на спину, она была еще ребенком.

Моя детка…

Данзо улыбнулся, и Минато было интересно, что он использует руку, которая обычно была на перевязи. Он задавался вопросом, были ли другие предполагаемые старые раны и травмы Уорхока реальными.

«Планы изменились», — ухмыльнулся Данзо. «Даймё прозрел. Конохе нужен более сильный лидер…»

— Это то, что я просил его сказать тебе, Данзо. Минато не мог сдержать усмешку, которая расползлась по его лицу, когда он увидел, как на лице Данзо медленно промелькнуло осознание того, что он был у него.

Хотя Минато попросил даймё прислать Данзо ошибочную информацию, ему, вероятно, пришлось отдать должное кому-то другому за то, что он быстро отправил сообщение о том, что силы КОРНЯ Данзо так быстро захватили столицу, прежде чем кто-либо из союзников Данзо сообщил ему правду.

Неверие и шок Данзо были написаны повсюду, прежде чем он решил стать серьёзным. Его чакра взорвалась, когда он приготовил дзюцу ветра, от которого Минато легко уклонился. Данзо снял повязки, закрывавшие его первый имплантированный Шаринган. Он снова был слишком медленным. Минато внезапно оказался рядом с ним и вонзил кунай ему в висок, выколов себе глаз. «ГАХ!»

«Я хочу, чтобы вы, дети, спрятались», — крикнул Минато детям, но продолжил атаковать. Почему с Данзо сейчас все в порядке?

Произошел взрыв Мокутона.

Нечто подобное произошло еще три раза, прежде чем он смог отрубить мужчине голову. Наклонившись, чтобы проверить, действительно ли он видел глаза на руках мужчины, Минато сдержал желчь. В ложной руке Данзо было еще четыре Шарингана. Один из них все еще был открыт. Он вытащил свиток, чтобы запечатать свое тело – и тут туловище начало шипеть.

Здесь были дети! Данзо надел на свое тело предохранитель: Обратную Запечатку Четырех Символов!

Создав транспортную печать с помощью своей чакры – точно так же, как мне пришлось использовать ту бомбу-биджу в тот ужасный день – Минато смог отправить тело Данзо в реку Нака.

Где он взорвался недалеко от района Учиха.

Он глубоко вздохнул и увидел, как некоторые дети съёживаются от страха, а другие выглядели так, словно были в шоке. Он послал сигнал своему взводу стражи, который почти исчерпал его чакру. Они появились, и он попытался улыбнуться съежившимся малышам. «Я Йондайме Хокаге Намикадзе Минато. Теперь вы все под моей защитой…»

Мито постепенно проснулась и попыталась улыбнуться, ее ранее зашитые (?) губы треснули, когда она увидела нависшую над ней Анко. "Эй. Эй… они сделали это!" Большие кошки спасли ее!

Анко начала плакать.

«Что с тобой случилось?»

«Была драка», — фыркнула Анко. «Куча драк, ты, тупица! Что… почему ты спрашиваешь меня, что со мной не так, когда ты выглядишь чертовой смертью?!»

"Извини." Просто Анко выглядела избитой. «Что?..?» Она потянулась за чашкой и была удивлена, что почувствовала немного своей чакры, хотя… В чем дело? Она могла поднять руку, хотя она очень болела и окоченела. «Что?» О: Я накачен наркотиками . Мито никогда раньше не принимал наркотики. Она чувствовала себя глупой и ошеломленной. Анко поднесла чашку ближе к губам, и Мито вздрогнула. «Ой».

«Да, ой!» Какого хрена ты возишься с лесными котами?»

«Ах. Знаешь, почему… так назови». Говорят, что обычные львы и гепарды жили в саванне или около того, но кошки, которых она видела, определенно обитали в каком-то джунглевом лесу. Она читала, что призыв больших кошек назывался «джунглевыми котами», так что теперь это имело для нее больше смысла.

Симпатичные котята. Она хихикнула, прежде чем вздрогнуть от горя и прийти в себя.

Где она была снова?

— Мне нужно забрать Джирайю-саму, — сказала Анко, пытаясь пройти мимо нее. Мито схватил ее.

«Нет», — рявкнула она тихим голосом, причиняя боль и вспоминая вещи, которых на самом деле не хотела. «А почему?» Анко не сразу ответила и выглядела очень встревоженной.

«За последние часы, а может, и дни, произошло много неприятностей», — тихо признался фиолетововолосый подросток. Она не спала (и сражалась с гигантской пантерой) уже долгое время. «Теперь все в порядке».

Мито усмехнулся. «Скажи это шинобам: я убью». Анко обеспокоенно положила руку на предплечье, и Мито вздрогнула, затем попыталась посмеяться над собой, ухмыляясь настолько, что ее губы снова раскрылись.

Анко положила в рот что-то новое, на вкус напоминающее странную зубную пасту, а затем отругала Мито за попытку слизать это. «Я слышала о нападении в столице», - тихо сказала она, почесывая волосы палочками для хвоста. «Мне жаль, что тебе пришлось через это пройти. Что случилось… после?»

Мито закрыла глаза и слегка покачала головой, вспоминая. Внутри у нее скрутило, и она попыталась просто быть благодарной, что ее губы теперь влажные. «Я была… утомлена. Предательница», - начала она, но не знала, что могла сказать, учитывая то, что произошло. «Я использую последние… силы для Руто-тяна, а потом удивилась. Мне не на что на него наплевать», — пробормотала она про себя. «Почему Джирайя здесь?»

Анко выглядела возмущенной всего на секунду, но сдержала гнев и неверие. «Он должен снова запечатать… Я знаю об ЭТОМ, ясно ?» — воскликнула она в отчаянии, желая убедиться, что ее лучшая подруга знает, что лиса ее не беспокоит. «Лиса. Ему нужно снова запечатать лису».

Мито с минуту пристально смотрел на нее, думая об этом еще больше. "Нет."

«Что значит «нет»?!» — завопила Анко, задаваясь вопросом, где, черт возьми, были ее сенсей и Джирайя — или кто-то из их маленькой банды неудачников из «Звука» — черт возьми, одержимость Орочимару-сишоу оперой: это так неловко — хотя она недавно прогнала их, когда они все было чертовски громко рядом с ее бывшей без сознания подругой. «Мито, я слышал, как они спорили об этом: они просто ждали, пока ты проснешься! Ты, наверное, знаешь, что

это значит больше, чем я, но Джирайя-сама сказал, что ему пришлось снять одну из твоих печатей, а затем он сделать что-нибудь с другим, чтобы исцелиться? Но это все равно небезопасно? …Что не так?»

Мито вошла в свой разум, но обнаружила, что Кьюби просто сидит за своей дрянной клеткой и смотрит на нее, приподняв одну бровь. Его не было в ее подвале… Собственно, куда делись ее тщательно обустроенные Чертоги Разума? Бля : всё было везде. Ее разум напоминал грязную, обшарпанную прачечную. Даже ее свитки были разбросаны повсюду. Какой беспорядок.

«В любом случае, этот старый извращенец сказал это…»

«Не называй его извращенцем», — попросила Мито тихим голосом.

«Правильно: Супер-извращенец », — уточнила Анко, закатывая глаза.

— Нет. Он порядочный человек, хороший человек, — сердито сказал Мито. «И никакого плохого извращенца», — прошептала она, хотя почти сформулировала это как вопрос. Две девушки молчали больше минуты, прежде чем Мито слегка покачала головой и поморщилась. Все было больно. «Неправильно называть его так, как другие люди». Анко кивнула и села, стараясь держать руки при себе. «Он НИКОГДА не извращенец в дремоте, который не шевелится или который голый. Я думаю. Он… он мог бы использовать фразу «это извращенное воображение», но… Доза – это романшская ш-историш, и… и… Хм. …"

— Что с тобой случилось, Мито? Когда ее подруга ничего не сказала, Анко предложила ей еще воды и не смогла сдержаться. «Ты прибыл сюда сорванной с одежды!»

«Шшшш», — быстро прошипела Мито, прежде чем улыбнуться так, что Анко захотелось извиваться — и не из-за отсутствия зубов. Она мысленно задавалась вопросом, что не так с ее подругой, и все еще не могла поверить, что когда-нибудь увидит свою лучшую подругу в таком избитом состоянии. Мито явно была «не права», и дело было не только в лекарствах, которые ей дал Орочимару-сенсей.

«Такое случается, не так ли?» Мито пробормотала, пытаясь быть разумной. Не то чтобы парень сделал что-то большее, чем просто непристойные прикосновения к ней… Не слишком много. Могло быть и хуже! Гораздо хуже. Если бы он пробыл с ней хоть немного дольше, этот ублюдок Эрен смог бы…

Лиса спасла ее от прямого изнасилования.

Ей стало плохо, но в конце концов она рассказала Анко больше, чем следовало, заставив ее лучшую подругу пообещать никому больше не рассказывать, пока она еще некоторое время будет держать Орочимару и Джирайю подальше от нее.

Мито уже вымыли, но ей очень хотелось принять долгий и очень горячий душ.

Анко была так зла и плакала, а Мито просто хотела убежать вместо того, чтобы сказать ей, что все в порядке; что с ней все в порядке. Однако Мито все равно сказал ей об этом. «Мне пора идти».

«Что?! Что ты имеешь в виду, говоря, что тебе пора идти?» — возмущенно спросила Анко, вытирая лицо.

Мито улыбнулась подруге так сильно, как только могла, хотя даже она знала, что это не

коснулось ее глаз. «Надо проверить Руто-чана».

— Идиот! Я даю тебе минуту, чтобы собраться с силами, Ми-тян. Не двигайся. Анко ушла, чтобы сказать Джирайе и ее сенсею, что Мито проснулась и полна решимости пойти навестить своего младшего брата, даже не думая о своей птице.

Мито кивнула ей, но убедилась, что Анко находится дальше по коридору, прежде чем сосредоточить ту небольшую чакру, которая текла по ее катушкам, на специальном кунае, который висел в ее комнате, а также на прочистке головы. Вспыхнув, она врезалась в свой футон.

Не имея ни малейшего представления о том, что Коноха находится в чрезвычайном положении, поскольку Хокаге и следопыты отчаянно ее разыскивали, только на следующее утро она появилась перед даймё вместе с оставшимися членами его охраны. Асума попытался схватить ее, но она ударила его кулаком в ближайшую стену.

«Гомен?» Мито больше спросила, чем сказала, не зная, что делать и почему она так отреагировала. Однако в конце концов она с болью встала на колени, насколько могла.

— Мито-химэ! Мы не ждали тебя, — встревоженно сказал даймё. Мито выглядел ужасно. Никто из его охранников даже сейчас не был в хорошей форме, но Мито было едва узнать. На самом деле, если бы не волосы…

«Понятно», сказал Мито. Она знала, что это звучит смешно из-за отсутствия зубов, но продолжала, концентрируясь на том, что она хотела сказать, а не на том, как это могло бы звучать. «Если мои услуги больше не нужны, я отправлюсь в Конохагакуре. Я понимаю, если вы предпочитаете, чтобы меня сопроводили в тюрьму Ходзуки, или хотите заключить меня в подземелья».

Даймё потребовалось несколько минут – и чтобы услышать, о чем шептались остальные его Стражи – чтобы понять, о чем может говорить Принцесса Листьев. «Напавшие шиноби не подчинялись приказам Хокаге». Увидев, как ему казалось, растерянное выражение на ее опухшем, покрытом синяками лице, даймё кивнул, нервно вращая веером. «Казалось бы, у Шимуры Данзо была своя армия: та, что была распущена твоим отцом, но действовала подпольно. Ее больше нет! И я рад сообщить, что предатель мертв. Ты не напал или убить верных солдат Конохи».

— Данзо, — шепнул Асума Мито, вставив ему шею и плечо (последнее вернулось на место), хотя и старался не смотреть на нее обиженно. Его младшая сестра и без того пострадала.

«Как я уже говорил тебе ранее, Страж Мито-химэ, — продолжил даймё, — ты и твои верные товарищи хорошо защитили Хи-но Куни и мою семью».

«Очень хорошо, сэр. Спасибо, сэр», — послушно ответил Мито, внезапно почувствовав себя еще более утомленным.

«Хотели бы вы остаться в столице?»

«Да, сэр, пожалуйста. Спасибо за веру в меня. И в Хокаге-саму», — добавила она.

«Лорд Хокаге, — взмолился Хомура, — вы просто не можете приказать заблокировать всю деревню и вернуть шиноби, потому что ваша дочь пропала! И разве ваша охрана не должна быть размещена вместе с джинчуурики?»

— Я перережу тебе горло на том месте, где ты стоишь, — коротко сказал Минато. Он держал на руках своего сына , который, к счастью, крепко спал. Им этого было недостаточно? «Вы уволены».

Хомура поклонился, надеясь, что Данзо замёл свои следы вместе со своими. И Утатане. Теперь они были всем, что осталось от наследия Тобирамы-сенсея.

— Хокаге-сама?

«Отследи ее, Какаши. Найди ее. Ты слушаешь ? » — спросил Хокаге громче других своих команд слежения. «У тебя есть ее кровь. У тебя есть ее запах. Приоритет миссии один-Альфа, код девять». Вокруг него слышались вздохи, в то время как большинство в шоке смотрели на его сына.

Генма подошел, ничего не понимая. "Сэр?"

«Мито-химэ, моя дочь, — джинчурики Кьюби. Она пропала без вести и тяжело ранена».

Все оставшиеся в шоке разбежались. Они все думали, что это Наруто...

Асума понял, что происходит нечто большее, когда Мито попыталась небрежно напасть на него одной из своих цепей, прежде чем заперлась в своей комнате. Он больше не видел Йондайме-саму и задавался вопросом, знал ли этот человек, что она вернулась. Последнее, что ему сказали, это то, что Джирайя-сама немедленно заберет Мито обратно в Коноху.

Он снова постучал в дверь Мито, чувствуя ее беспорядочную и, казалось бы, увеличенную, но шаткую чакру со двора.

"Да?" — спросила Мито, ее дверь все еще была закрыта настолько, что Асума мог видеть только один из ее опухших черных глаз. — Где Руто-тян, Асума?

«Руто-тян?» — недоверчиво спросил Асума. Когда он увидел, как Мито пошатнулся, ему наконец-то хватило. «Он с Чирику, бака! Он просто чертова птица… Впусти меня прямо сейчас!» Мито тупо уставился на него.

Потом она упала.

«Чертов ад!» Асума ворвался в ее комнату, быстро убедившись, что угроз нет, а затем вызвал короля обезьян. У Мито текла кровь из спины. Обычно он избегал Энмы, но сегодня ему нужно было лучшее.

— Это… это Мито? — в ужасе спросила Энма.

«Кто еще?! Я бы сказал, приведите меня, Хокаге-сама, но я думаю, нам нужна Цунаде», — раздраженно сказал Асума. Энма рассеялась, пока он делал компресс и прикладывал его к ране, задаваясь вопросом, как, черт возьми, Мито вернулась оттуда, откуда ее забрали, где был Хокаге - или кто-то еще, если уж на то пошло. После ее похищения столица была наводнена шиноби Конохи, Хокаге и его клонами, затем все просто встали и исчезли.

И все же перед даймё появилась его похищенная младшая сестра, совершенно одна. «Серьезно?! Что ты делаешь , Мито?!» Он с тревогой поднял окровавленный кунай, лежавший рядом с ней, и спрятал его.

Он не осознавал, что плачет, пока не появилась Цунаде.

И тут тревога снова поднялась. Были найдены тела двух оставшихся старейшин. «Кто-то» перерезал им глотки.

О, Мито: что ты сделал?!

http://tl.rulate.ru/book/96211/3296483